

Отзыв о выпускной квалификационной работе магистра лингвистики
отделения теоретического и экспериментального языкознания
филологического факультета СПбГУ Марии Борисовны Коношенко на тему
«Базовые грамматические категории гвинейского кпелле»

Рецензируемое исследование Марии Борисовны Коношенко посвящено разбору широкого круга явлений гвинейского кпелле (юго-западная группа семьи манде), в той или иной степени претендующих на то, чтобы именоваться грамматическими категориями. Как следует из текста диссертации, некоторое количество исследований по данному идиому (и близкородственным ему) имеется, однако представленное к защите сочинение в основном опирается на собственную полевую работу автора. В результате получено, насколько можно судить, максимально полное и современное сочинение по грамматике гвинейского кпелле из существующих на данный момент. В такой ситуации пресловутые актуальность и новизна работы не требуют комментария.

Работа состоит из введения, 9 глав, заключения, библиографии, насчитывающей 89 работ, списка сокращений и глосс, а также карты расселения кпелле. Главы работы не вполне равноценно участвуют в общей композиции: Главы 1–4 содержат обсуждение различных проблем, не связанных напрямую с основным фокусом внимания, но позволяющих в дальнейшем непротиворечиво, последовательно и внятно анализировать материал. Глава 5 имеет характер теоретического экскурса о понятии грамматической категории. Главы 6–8 непосредственно посвящены анализу отдельных категорий кпелле, а последняя – девятая – глава содержит краткое сопоставление кпелле с другими языками семьи манде.

Уже описание структуры работы говорит о том, что перед нами глубоко фундированное и вдумчивое исследование плохо описанного идиома. Марии Борисовне удастся в рамках одной работы гармонично совместить два исследовательских начала: эмпирическое и теоретическое. Действительно, основной мотив написания работы как будто бы дескриптивный: речь идет о систематическом описании значительного фрагмента отдельно взятого идиома. При этом получается, что работа имеет не только ожидаемый от автора типологический подтекст, но и отчетливо слышимый теоретический «драйв»: на своем материале (и не в ущерб его представлению) Марии Борисовне удастся высказать ценные соображения по целому ряду теоретических вопросов грамматики.

В этом отношении хотелось бы обратить внимание на ценные вспомогательные главы, составляющие первую часть работы. Например, очень увлекателен раздел о частях речи, в частности, та его часть, которая связана с проблемой вычленения в кпелле категории прилагательного. Здесь показано распределение морфосинтаксических и дистрибутивных свойств нескольких классов единиц, претендующих на статус прилагательного. Интересно то, что в наибольшей мере на такой статус претендуют два небольших закрытых класса лексем (что типологически далеко не

уникально), при этом в соответствующие классы входят лексемы с такими значениями, как 'коренастый', 'липкий', 'слабоумный', 'пустой', 'живой', 'новый': этот набор гораздо более неожидан, чем само свойство его закрытости; действительно, он совсем не похож на привычные списки из языков с небольшим числом прилагательных.

Впрочем, самым интересным из «предварительных» разделов мне показался тот, который содержит теоретическое осмысление центрального понятия работы – понятия «грамматической категории». После обсуждения множества теоретических и терминологических сложностей, Мария Борисовна приходит к позиции, разрабатываемой в работах Г. Корбета и его последователей; согласно этому подходу, следует говорить о канонических категориях, для которых характерен набор «правильных» свойств, и о множестве явлений, занимающих периферию в множестве категорий – это явления, в чем-то похожие на полноценные словоизменительные категории, но в каких-то других отношениях ущербные или нестандартные.

Можно сказать, что только что названная периферия, разного рода «недокатегории» становятся центральным объектом рассмотрения в работе. В самом конце работы Мария Борисовна приходит к выводу о том, что «Грамматические категории в кпелле — это в значительной степени лишь теоретические конструкты. В реальности они гораздо больше похожи на рыхлые семантические зоны, чем на четко структурированные множества значений» (104). Тем самым, получается, что для этого языка признание существования «недокатегорий» оказывается особенно существенным: по каким-то причинам они-то и составляют большую часть того, что можно было бы считать грамматикой кпелле. В каком-то смысле сказанное подтверждает перспективность применения аппарата Корбета к изучаемому материалу (для того, чтобы некое явление описать, нужно по крайней мере быть готовым к тому, что оно существует), в каком-то другом смысле ставит его под сомнение: кажется, что для языка типа русского, где, например, преобладают все же несомненные падежи, а «недопадежи» (второй предложный, второй родительный, счетная форма и т.д.) находятся на явной периферии, противопоставление канонической и неканонической морфологии звучит более убедительно, чем для языка, где вся морфология оказывается не вполне «канонической». В этом отношении те выводы, которые представлены в кратком заключении (одна страница), по настоящему производят впечатление: оказывается, что между рассмотренными явлениями кпелле очень мало сходств и едва ли не основное сходство в том, что они по тому или иному параметру нестандартны (см. перечисление на стр. 104).

Завершая обсуждение теоретического пафоса работы, я хотел бы отметить еще один подспудный лейтмотив, который кажется очень интересным и созвучным некоторым свежим веяниям в современной лингвистике: речь идет о несколько раз возникающей идее неполного изоморфизма между синтаксическим и морфологическим уровнем, о том, что

границы между единицами морфологического и синтаксического уровней могут систематически не совпадать (стр. 47, 87 и др).

Суммируя все сказанное выше, можно констатировать, что перед нами абсолютно зрелое, ценное и в эмпирическом и в теоретическом отношении исследование, по сути представляющее собой не обычную квалификационную работу, а эскиз будущей грамматики. К этому можно добавить такие достоинства, как широту мышления (проявляющуюся, среди прочего, в нескольких смелых, но в целом убедительных типологических параллелях), ясность слова, не говоря уже о колоссальном труде, стоящем за представленной работой, и очевидной самостоятельности в выводах (особенно радует готовность автора весьма яростно полемизировать даже с собственным научным руководителем, см. обсуждение на стр. 31 о статусе того, что автор в конечном счете предлагает называть «спрягаемыми предикативными показателями»).

Вполне естественно, что в столь большой по охвату и серьезности задаче рецензент с легкостью может найти и такие аспекты или фрагменты, которые могут быть поставлены под сомнение или определенным образом уточнены. Оставляя за рамками отзыва ряд частных моментов, которые могут быть обсуждены «в рабочем порядке», остановлюсь на 4 соображениях критического или полемического характера.

1. В композиционном отношении читателя сбивает с толку то, что в начале работы не сформулированы эксплицитно задачи исследования. В результате о задачах читатель начинает догадываться лишь по мере поступления результатов. Этот же структурно-композиционный промах усложняет восприятие раздела, посвященного обзору имеющейся литературы по данному языку: читатель не вполне понимает, что следует «вылавливать» из этого обзора для дальнейшего употребления. Думается, что отсылки к предыдущим работам смотрелись бы лучше в тех конкретных «исследовательских» частях, где автору с наибольшей пользой удавалось использовать достижения предшественников (или, напротив, особенно решительно их отвергать).

2. Мне не кажется вполне убедительной трактовка «категории принадлежности» как словоклассифицирующей. Думается, что здесь смешиваются две проблемы. Собственно **образование** форм, снабженных синтетическим или аналитическим маркером, отражающим лицо и число посессора, т.е. собственно категорию принадлежности, скорее всего, как это обычно и бывает, следует трактовать как словоизменяющую («мой брат», «твой брат», и т.д.). Другое дело – классификация существительных по их **способностям** присоединять притяжательные показатели в названном смысле, а также по обязательности такого присоединения и по выбору типа маркера. По этим признакам (иногда в типологической литературе об этих противопоставлениях говорится как о «посессивной классификации» имен) существительные, действительно, **классифицируются**. Кстати говоря, если говорить об этой классификации как о категории, то, судя по представленным данным, для КПелле разумно выделять не два класса

(соответствующих так называемой отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности), а по крайней мере три. Здесь, по моим представлениям, одно из немногих мест в работе, где сработала некоторая грамматическая инерция: поскольку часто в языках выделяется ровно два типа принадлежности (и два типа вершинных имен по этому признаку), соответствующие классы были выделены и в кпелле, хотя внутренняя логика самого изучаемого идиома, думается, вела бы скорее к более дробной посессивной классификации (вообще говоря, далеко не уникальной типологически).

3. На стр. 54 делается намек на то, что среди прочих аспектов, по которым категории языка кпелле необычны, можно назвать то, что и категория детерминации, как и некоторые другие категории в этом языке, обслуживает не отдельные лексемы, а целые группы. После этого делается следующая ремарка: «Впрочем, это в принципе типично для показателей категории детерминации в языках мира». Как мне представляется, малозаметное слово «впрочем» здесь совсем не на месте: для категории детерминации как раз абсолютной нормой является семантическое взаимодействие со всей именной группой (включая «высокие» уровни ее структуры); это не говорит ничего о технике выражения этой категории (внутри словоформы-вершины, в качестве клитики, на периферии группы и т.д.). Так что в плане фразового характера категории детерминации кпелле и не мог бы представлять собой ничего уникального. Другое дело, что я как раз вижу необычное в обратном явлении: дело в том, что в систему детерминации кпелле, согласно описанию Марии Борисовны, входит категория, которую она называет «рестриктивностью». Оставляя в стороне вопрос о небесспорности самого терминологического выбора, скажу, что речь идет о выражаемых суффиксально противопоставлениях, связанных с характером семантического взаимодействия между именной вершиной и определенного типа ее модификаторами (как раз таки «рестриктивными»). Вот этот аспект системы детерминации (маркирование на вершине некоторых аспектов семантической структуры ИГ типологически как раз более необычен).

4. Сама Мария Борисовна признает, что из всех категорий, выделяемых ею для кпелле, одной из самых спорных является «падеж», особенно в той его части, которая касается противопоставления номинатива, «обликвуса» и датива. Я бы сказал, что в рамках принятой в работе трактовки обозначение «падеж» оказывается не просто спорным, но и сбивающим с толку: здесь подрывается самая идея зависимостного маркирования, все-таки центральная для понятия «падеж». При отказе от этой идеи мы вынуждены понимать «падеж» как некое структурное противопоставление, позволяющее разграничивать аргументы предиката и тогда включать в это понятие все, что связано со структурными статусами ИГ (например, согласование, порядок слов и т.д. тоже окажутся падежами), что было бы абсурдно. Упрощая это замечание, можно представить его в виде вопроса: если постулировать для кпелле падеж и при этом оперировать понятием «спрягаемых предикативных

показателей» (т.е. отказаться от идеи субъектных, объектных и др. местоимений), то категорией какой части речи окажется тогда падеж в этом языке?

Следует понимать, что приведенные замечания и вопросы к автору касаются некоторых частных положений и терминологических решений, а также отчасти организации текста работы, но никак не отменяют того факта, что мы имеем дело с законченной работой сформировавшегося африканиста, типолога, а отчасти и теоретика языка, при этом работой, совмещающей огромный эмпирический охват и интеллектуальную увлекательность. Нет нужды говорить, что она полностью соответствует всем требованиям, предъявляемым к квалификационным сочинениям соответствующего уровня, и даже превосходит их.

К.ф.н., ст. преп., С.С.Сай

